

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бог. Часть 1

Цель – рассмотрение теологической философии Античности, в частности, учений о богах и благочестии Ксенофана, Сократа и Платона.

План

1. Естественная теология Ксенофана.
2. Сократ и Платон о благочестии.
3. Развитие теологии Платоном.

Ключевые слова: боги, вера, теология, политеизм, антропоморфизм, монотеизм, благочестие, святость, атеизм.

Данная лекция посвящена теологическим вопросам в философии Античности, рассмотренным Энтони Кенни в девятой главе его книги.

В поэмах Гомера среди его персонажей особенно выделяются боги и богини. Зевс, царь богов, со своей супругой Герой и десятью членами их семьи; в их числе его дочь Афина, Афродита – богиня любви, и Посейдон – бог моря, все живут вместе в блаженной обители на Олимпе. Их очень интересуют поступки героев Илиады и Одиссеи. Эти боги и богини – это те же человеческие существа, просто очень большие, со всеми эмоциями и пороками человеческих существ. Они взаимодействуют как умственно, так и физически, как обычные люди, часто с катастрофическими результатами. Единственная фундаментальная разница между богами и людьми в том, что люди умирают, а боги бессмертны.

Эту концепцию богов подверг резкой критике первый философ религии – Ксенофан. Ксенофан терзал гомеровскую теологию в сатирических стихах, из которых остались лишь фрагменты. Рассказы Гомера, жаловался Ксенофан, приписывают богам воровство, прелюбодеяние, обман и все такое, что среди людей считается позором и упреком. Но даже если бы гомеровские боги вели себя достойно, они все равно слишком напоминают людей, чтобы быть надежными. Люди представляют богов подобными себе: эфиопы верят в чернокожих и широконосых богов, в то время как боги, которым поклоняются фракийцы, имеют красные волосы и голубые глаза. «Если бы у коров и лошадей, или у львов были руки, и они могли рисовать, то лошади нарисовали бы богов в форме лошадей, коровы, в форме коров, делая их тела похожими по форме на себя».

Вместо этого детского антропоморфизма, Ксенофан предлагает хорошо продуманный сложный монотеизм. Может быть только один Бог, потому что Бог – самый могущественный из всех; если бы было больше одного Бога, никто из них не мог бы быть сильнее остальных, и никто из них не смог бы делать все, что он пожелает. Бог должно быть, всегда существовал: он не мог возникнуть из чего-то вроде самого себя (ибо не может быть ему равных), и не мог быть создан от чего-то, непохожего на самого себя (ибо большее не может быть создано меньшим). Бог – живое существо, но не органическое существо, как люди и животные: в Боге нет частей, и «он видит в целом, он думает в целом, и он слышит в целом». Он не имеет никакого физического контакта с чем-нибудь в мире, но «непосредственно и без усилий, лишь одним умом он регулирует все, что есть».

Хотя Ксенофан готов заявить и аргументировать такие содержательные тезисы о Боге, его теология в значительной степени отрицательна. Он говорит, что трудно принять и конечность, и бесконечность Бога. Точно так же, на вопрос: «меняется ли Бог, или не меняется?», он приводит одинаково сбалансированные на каждой стороне аргументы. Некоторые из источников оставляют неясным, является ли его Бог действительно трансцендентным, или должен быть идентифицирован каким-то таинственным образом со всей вселенной элеатов. «Ясной правды о богах, которой никогда не было у человека, ни один человек не узнает».

Ксенофан не был, конечно, первым монотеистом. Его предшественниками были египтяне, которые поклонялись Эхнатону, а позже – израильтяне с их еврейскими пророками. Но он представляет свой монотеизм не как пророческое откровение, а как результат рациональной

аргументации. С точки зрения различия, проведенного столетия спустя, можно сказать, что пророки провозглашали богооткровенные религии, в то время как Ксенофан был естественным богословом.

Ксенофан переосмысливает вопросы о божественной субстанции и вечности: это уже вопросы не «физики», а «теологии». «Теология» Ксенофана – это не рациональное обсуждение религиозных вопросов, а рационалистическая реакция философа на практику распространения народных культов. В связи с этим возникают вопросы не религиозного, а полисного характера. Сам полис выступает в сознании граждан как предпосылка религиозная. За теологией скрывается обоснование полисной этики, когда разум выдвигается на первое место в достижении благочестия и добродетели. Этим же целям служит и гносеология вместе с этикой, содержащей замечание, что человек живет не «по природе», а «по установлению». Человек не имеет изначального знания, позволяющего жить «по природе», он должен уметь находить истину.

Теология Ксенофана не создается, а реконструируется на логической основе. Реконструкции и одновременно реформации подлежит олимпийская религия. Ксенофан ее рационализирует и благодаря этому преодолевает. Эпистемологизируя учение о боге (Зевсе), т. е. выявляя его логические, гносеологические и этические основания, Ксенофан стремится реформировать общественное сознание, мораль и обычаи, придать им недостающую логическую ясность, переориентировать их на систему просвещения и разума, избавить их от тумана предрассудков. На этом пути Ксенофан ставит ряд вопросов познания, открывает путь к онтологическому обоснованию проблем *arete* и «эвномии», т. е. проблем человека в исторически конкретной, полисной их форме.

Ксенофан первый увидел и противопоставил друг другу два различных мира: мир мифа и преданий с сопутствующими им ложными представлениями о богах и природе и мир человеческого знания, открытого самим человеком. При этом мнение и мудрость не противопоставляются друг другу. Они различаются между собой, однако мудрость строится на основе мнения и вырастает из него. И то, и другое – человеческое достояние, а не продукт божественного дара. Именно в области открытого самим человеком знания и строящейся на его основе добродетели протекает жизнь человека, которая расценивается как жизнь «по природе», в противоположность жизни «по установлению», основанной на традиции, мифах и преданиях.

Платон в «Государстве», вслед за Ксенофаном, критикует отвратительные истории богов, рассказанные Гомером и Гесиодом. «Истории должны быть исключены из учебной программы, поскольку они являются ложными сами по себе, и поощряют злое поведение в своих читателях. Детям нельзя рассказывать истории о битвах между богами, или о том, что боги могут принимать формы людей или животных». «Боги всеблагие, и никому не причиняют вреда. Боги приносят в жизнь только блага, и если они наказывают людей, то только для их собственной пользы». И еще, «Бог неизменен и не обманывает других ложью или маскировкой».

Нападения Платона на Гомера и поэтов часто кажутся преувеличенными современному читателю. Это можно понять, только если вспомнить центральную роль «Илиады» и «Одиссеи» в греческом образовании, и важность религии в греческой повседневной жизни. Это правда, что греки никогда не были «народом книги», а гомерические стихи никогда не имели в греческой жизни и религии власти, аналогичной той, которая была у Еврейской Библии, Евангелия и Корана. Тем не менее, истории Гомера и Гесиода влияли на образование гораздо более мощно, чем сказки и детские книги в нашем обществе. В этом контексте, полемика Платона понятна. Должно быть, для этого потребовалось мужество: ведь Сократ был предан смерти по обвинению в обучении молодежи не верить в богов, в которых верит город.

Сократ был обвинен также в том, что ввел новые божества. Это было связано с тем, что он говорил об его «*daimon*», внутреннем божественном голосе, который, как он утверждал, предупреждал его о правонарушении. В остальных случаях он уважительно относился к традиционной греческой религии. Конечно, он утверждал, что не знает, что такое благочестие, так же, как он утверждал, что не знает и о других добродетелях. Но в сократовском диалоге «Евтифрон» содержится интересное обсуждение предложенных определений благочестия или святости, как того, «что любят боги».

Сократ ставит вопрос: любят ли боги то, что свято, потому что это свято, или это свято, потому что боги любят его? Евтифрон отвечает, что то, что свято, так называется, не потому что боги любят его; скорее, боги любят то, что свято, потому что оно свято. Сократ после этого предлагает использовать понятие «благочестивый» как сокращенный вариант «то, что любят боги». Соответственно, Евтифроном могут быть сформулированы следующие тезисы, где «благочестивый» заменяется на «святой»:

(А) боги любят благочестивых, потому что они благочестивы.

С другой стороны, кажется очевидным, что

(В) благочестивый благочестив, потому что его любят боги с тех пор слово «благочестивый» было введено как синоним слова «любимый богами». Так Сократ утверждает, что уличил Евтифрона в непоследовательности, и призывает его отказаться от утверждения, что святость – это то, что любят боги.

Тем не менее, нет реального несоответствия между А и В: слова «потому что» используются в двух различных смыслах в двух тезисах. В (А) они вводят мотив богов; в (В) они напоминают наше условие о значении. Параллельная точка может быть сделана на английском языке, указывая на то, что оба положения истинны:

С) судья есть судья, поскольку он является судьей (т. е. он делает это, потому что это его работа), а также

Д) судья является судьей, поскольку он является судьей (именно поэтому его называют судьей).

Евтифрон, однако, отказывается от этой дефиниции, и предлагает другую: святость – это справедливость на службе богам. Это определение тоже обречено на провал: какую услугу мы можем оказать богам? Сократ иронизирует над идеей жертвоприношения, как формы торговли с богами, так как у нас нет ничего стоящего в обмен на благосклонность, которую мы у них просим. Если «Евтифрон» Платона дает реалистичную картину методов перекрестного допроса Сократа, мы можем понять, почему религиозные люди в Афинах могут рассматривать его как проповедника нечестивости и опасности для молодых.

Еще один сократический диалог (который, вероятно, написан не Платоном), «Второй Алкивиад», содержит дефляционную дискуссию о практике молитвы. Когда мы молимся о чем-то, чего хотим, мы можем просить о чем-то, что навредит нам: ответ на молитву может быть катастрофой. Нам не хватает знаний о том, что лучше для нас, лучше не просить или, как спартанцы, просто молиться за то, что хорошо и благородно, без дальнейших указаний. В плане жертвоприношения и поклонения афиняне гораздо более религиозны, чем спартанцы, и все же спартанцы всегда выигрывают бои. Это удивительно? - «Было бы странно и жаль, если боги больше учитывали наши дары и жертвоприношения, чем святость и справедливость в наших душах».

Собственное отношение Платона к религии развивалось вместе с его другими метафизическими верованиями. В центральной части «Государства» вершина Вселенной занята не лично Богом, а идеей добра, которое играет такую же роль в идеальном мире бытия, как солнце – в нашем повседневном мире становления. Всё, в конечном счете, обязано своему бытию этой абсолютной благодати, которая сама по себе превосходна и превосходит бытие. В «Симпозиуме» высшее благо проявляется в идее высшей красоты, и жрица Диотима описывает Сократу в терминах, соответствующих религиозным посвящениям в таинственные культы, свое видение восхождения души к возвышенному восторгу. Люди жаждут бессмертия: эта тяга заставляет их размножаться и оберегать свое потомство, стремиться к подвигам, которые войдут в историю, и создавать произведения искусства вечной ценности. Но все это не достигает тайны любви. Чтобы достичь величайших тайн, люди должны подняться выше красивых тел, красивых душ, выше красоты науки и институтов, чтобы достичь вечного и неизменного Абсолюта красоты. Самая благородная жизнь состоит в интеллектуальной созерцании Божественной красоты, абсолютной и неподдельной. Только подобные обряды любви могут инициировать бессмертие бытия каждого человека.

Несмотря на религиозный контекст и фразеологизмы, идея красоты в «Симпозиуме» не сильно отличается от идеи добра в «Государстве». Но в «Софисте» этот факт дается как причина для существенного пересмотра Теории идей. «Нас легко убедить, – спрашивает посетитель элеат, – что изменения и жизни, и души, и мудрости не принадлежат самому совершенному существу, и что оно ни живет, ни думает, но остается неподвижным, и величественно, и свято, но бессмысленно?».

В то время, когда он писал «Тимей», Платон достиг концепции Бога, близкой к основным монотеистическим религиям. Темой диалога является происхождение мира, в котором мы живем: всегда ли он существовал, или появился в бытии? Поскольку мир видим и осязаем, он должен был появиться; но это нелегкая задача «найти создателя и отца этой Вселенной». В чем причина воплощения Вселенной в бытие? Бог не задумывается Платоном как создатель Вселенной из ничего; скорее, он основал космос, наводя порядок из хаоса. «Бог, поэтому, желая, чтобы все было хорошо, и не менее совершенным, чем было необходимо, находит видимую Вселенную не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении, выводит ее из состояния беспорядка и судит, что так будет лучше». Диалог затем проходит через этапы этого упорядочения: сначала была создана душа, а затем материя, с душой, воплощенной в видимом теле небес. Во Вселенной существует четыре вида живых существ: боги, птицы, рыбы и животные. Боги, как нам говорят, бывают двух видов: видимые и невидимые. Видимые боги – постоянные звезды, живые существа, божественные и вечные; невидимые боги появляются к людям время от времени по их усмотрению. Отец Вселенной делегирует этим созданным, но бессмертным существам, задачу создания низших живых существ. В случае с людьми, он сам создал бессмертную душу, оставив ее низшим богам, чтобы они упаковали ее в череп и добавили остальную часть тела. Диалог заканчивается описанием видимой Вселенной, как образа Бога, который познается лишь разумом.

В последнем из диалогов Платона, в «Законах», религии уделяется много внимания. В идеальном городе Магнезия атеизм запрещен под страхом суровых наказаний. Законы города предписывают доносить в суд о любом акте бесчестия, ставшем известным. Осужденных за бесчестие следует отправлять в тюрьму на пятнадцать лет одиночного заключения; тот, кто после освобождения попадает на рецидиве, наказывается смертью. Атеизм, который сопровождается мошенническими претензиями на сверхъестественные силы, является отягчающим бесчестием, и подлежит наказанию пожизненным заключением.

Законодатели Магнезии считают, что предпочтительнее использовать аргумент и убеждение, а не санкции для обеспечения соблюдения законов, и, соответственно, они предваряют эти суровые запреты следующей преамбулой: «Никто, кто верит в богов, как предписано законом, никогда добровольно не совершает акт бесчестия, или не произносит любое незаконное слово. Если он это делает, это связано с одним из трех возможных ошибок. Или он не верит, что боги существуют; или он верит, что они существуют, но не имеют никакого интереса к человеческой расе; или он считает, что может быть прощен с помощью жертвоприношений и молитв».

Законодатели принимают на себя обязательство вылечить людей от этих ошибок путем доказательства трех истин, которые противоречат им.

Чтобы доказать существование богов, недостаточно указать на чудеса Вселенной или смену времен года. Атеисты скажут, что солнце, и луна, и звезды – это только бесчувственная земля и камни; и эти элементы, и их смеси обязаны своим существованием в природе лишь случайности. Нельзя также апеллировать к единодушному согласию греков и варваров, что боги существуют: такие убеждения, утверждают атеисты, просто результат индоктринации с детства, и ни в одном случае нет единодушия о природе богов.

Опровержение атеизма начинается издревле. Принципиальная ошибка тех, кто думает, что мир является результатом случайной эволюции, в том, что они не постигли приоритета души над телом. Душа была создана задолго до любых тел, и именно душа есть причина развития и трансформации физических вещей. Приоритетность души доказывается анализом различных возможных видов движения. Существует десять таких видов, но наиболее важными из них являются только два: (а) тот, который придает движение другим вещам, сам подвижный чем-то другим; и (б) тот, который придает движение себе, а также другим вещам. Очевидно, что движение первого типа не может быть источником движения в мире: движение во Вселенной

должно начинаться с самовоспроизводящегося движения. Но самогенерирующее движение является эквивалентом души: то, что движется сама по себе – это определение «живого существа».

Значит, душа предшествует телу, и души управляют небом. Если мы спросим, как душа управляет солнцем, есть три возможных ответа: либо само солнце имеет душу, которая пребывает в своем шаре, как наши души пребывают в наших телах; или, есть душа с собственным телом, которое соприкасается с солнцем и побуждает его к движению; или, душа совершенно нематериальна, и управляет солнцем с помощью духовной силы. Как бы то ни было, душа – это Бог, и Фалес был прав, что мир полон богов.

Осталось доказать, что боги заботятся о человечестве, и что они не поддаются молитвам или дарам. Главная причина для сомнения в их заботе заключается в том, что они позволяют процветать негодяям, несмотря на их злодеяния. Но мы не можем сомневаться, что боги, которые следят за Вселенной, обладают добродетелями мудрости, умеренности и мужества; они не могут быть задуманы как ленивые или снисходительные. Более того, они знают и видят, и слышат все, и они могут делать все, что в силах смертных или бессмертных. Если они пренебрегают нашими потребностями, это должно быть либо потому, что они делают это по незнанию, либо потому, что они позволили искушению отвлечь их от знания. Но это абсурд: в конце концов, забота о наших крошечных делах – это детская игра по сравнению с созданием Вселенной.

Процветание нечестивых – только временно, и это очевидно. Этому есть место в Великом божественном замысле: но никто и никогда не избежит наказания за свои проступки. Те, кто говорят, что от наказания можно откупиться дарами и молитвами, относятся к богам так, как если бы они были овчарками, которые уступали бы волку из-за подкупа.

Вопросы для закрепления темы

1. В чем фундаментальная разница между богами и людьми в поэмах Гомера?
2. Почему первый философ религии Ксенофан подверг резкой критике гомеровскую концепцию богов?
3. За что Платон критиковал теологию Гомера и Гесиода?
4. Прочитайте и проинтерпретируйте сократовский диалог «Евтифрон».
5. Каким образом Бог создал Вселенную, по Платону?
6. Как описывает Платон борьбу с атеизмом в диалоге «Закон»?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
5. Платон. Диалоги. – М.: Академический проект. – 2017.
6. Драч Г.В.. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. – М., 2003.